

DOI: 10.22455/978-5-9208-0627-7-262-272

А.С. Акимова

Своеобразие «усадебного топоса» в романе А.Н. Толстого «Петр Первый»¹

Сведения об авторе: Акимова Анна Сергеевна (Москва, Россия), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. ORCID ID: 0000-0003-0732-1854. E-mail: a.s.akimova@mail.ru

Аннотация: Судьбы героев романа А.Н. Толстого «Петр Первый» объединены пространством, в котором развиваются события, — это Москва. Действие первой книги в основном разворачивается в Китай-городе, автор в мельчайших подробностях воссоздает на страницах романа ушедшую в прошлое жизнь города и ее обитателей. В конце XVII — начале XVIII в. Москва была похожа на большую деревню. На это указывал, в частности, И.Е. Забелин в «Истории города Москвы». Неудивительно, что в описании московских улиц Толстой опирался на свои детские воспоминания о жизни на хуторе Сосновка Самарской губернии.

Роман начинается с описания бедного крестьянского двора Бровкиных близ Москвы, затем показана усадьба обедневшего дворянина Волкова и двор Меньшиковых — пространство города расширяется с каждым новым «адресом». Московские городские усадьбы, в частности связанные с фигурой «оберегателя, любовника царевны-правительницы» В.В. Голицына, в романе Толстого неразрывно сопряжены с судьбами героев и жизнью страны. Так, построенный Голицыным на пике карьеры дворец, описанный Толстым с опорой на труд С.М. Соловьева «История России с древнейших времен», будет покинут опальным князем. Он отправится в свое подмосковное имение Медведково, а оттуда — в дальнюю ссылку.

Ключевые слова: А.Н. Толстой, роман «Петр Первый», «усадебный топос», крестьянские дворы, городская усадьба, усадьба В.В. Голицына, И.Е. Забелин, С.М. Соловьев.

---

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18–18–00129) «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

The originality of the “estate topos” in the A.N. Tolstoy’s novel “Peter the First”

Information about the author: Akimova Anna Sergeevna (Moscow, Russia), PhD in Philology, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. ORCID ID: 0000-0003-0732-1854. E-mail: a.s.akimova@mail.ru

Abstract: Moscow is the city which united the characters of A.N. Tolstoy’s novel “Peter the First”. Kitay-Gorod is the space where the action of the first book is mainly set. In the novel Tolstoy showed in great detail the everyday life of the city and its inhabitants. According to the I.E. Zabelin’s research (“History of the city of Moscow”) in late 17 — early 18th centuries Moscow was like a big village that is why Tolstoy relied on his childhood memories about the life in the small village Sosnovka (Samara Region) describing the streets of Moscow.

The novel begins with the description of a poor peasant household of Brovkin near Moscow, then Volkov’s noble estate is depicted and Menshikov’s house. The space of the city is expanding with each new “address”. Moscow estates, and in particular, connected with the figure of “guardian, lover of the Princess-ruler” V.V. Golitsyn, in Tolstoy’s novel are inextricably linked with the character’s living and with the life of the country. The description of the palace built by Golitsyn at the peak of his career is based on the Sergei Solovyov’s “History of Russia in ancient times”. Golitsyn left it and went to his estate outside Moscow Medvedkovo and from there in exile.

Key words: A.N. Tolstoy, the novel “Peter the First”, “estate topos”, homesteading, Moscow estates, estate of V.V. Golitsyn, I.E. Zabelin, S.M. Soloviev.

В разные исторические эпохи господский дом с прилегающими к нему службами, т. е. сельскую помещичью усадьбу в современном ее понимании, называли по-разному. В лирике XVIII — начала XIX в., например, чаще употреблялось слово «деревня»². Только во второй половине XIX в. понятия «деревня» и «усадьба» будут разведены, а за словом «усадьба» в русской культуре закрепится его привычное нам значение: архитектурный ансамбль с парком и хозяйственными постройками³. Усадьбами традиционно называют не только дворянские поместья, но и крестьянские дворы, состоящие из избы и прилегающих к ней хозяй-

² См.: Густова Л.И. Трансформация образа усадьбы в русской поэзии XVIII — первой трети XIX веков: Дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2006.

³ См.: Российский историко-бытовой словарь / Сост. Л.В. Беловинский. М.: Студия «Тритэ» Никиты Михалкова: Российский архив, 1999. С. 468.

ственных построек (гумна, хлева, конюшен), а также городские усадьбы с главным домом, служебными постройками и садом. Крестьянские дворы, жизнь мелкопоместной самарской усадьбы (хутора), городская усадьба — все, что Толстой видел в детстве, обрело форму в его произведениях, в частности в романе «Петр Первый» (1929–1945).

В последнее время в литературоведении наметилась тенденция изучения «усадебного топоса» русской литературы XX в., в частности в произведениях писателей русской эмиграции (И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, И.С. Шмелева). Исследование библейских мотивов усадебной прозы Зайцева позволило Н.В. Михаленко сделать вывод о значимости «усадебного топоса» для понимания символического значения произведений писателя: в повести «Аграфена» (1908) усадьба стала местом, куда героиня приходит после искушений и испытаний⁴, в романе «Дальний край» (1915) именно в усадьбе происходит осмысление героями «важнейших моментов <...> своей судьбы и дальнейшего пути»⁵. Понятие «усадебный топос» к изучению текстов Толстого 1910-х гг. впервые применила О.А. Богданова⁶. Рассматривая мотив усадьбы как рая до грехопадения, исследовательница отмечает динамику в его изображении в повести «Мечтатель (*Аггей Коровин*)» (1910) и рассказе «Овражки» (1913)⁷. В качестве «новой культурной модификации “усадебного топоса”» воспринимается «город будущего» у В.В. Хлебникова, «город-сад» в прозе А.Н. Толстого и в советской поэзии 1920-х гг.⁸.

Действие первой книги романа «Петр Первый» в основном разворачивается в Москве, в Китай-городе; автор в мельчайших подробностях воссоздает на страницах романа ушедшую в прошлое жизнь города и ее обитателей. В конце XVII — начале XVIII в. Москва была похожа на большую деревню. На это указывал, в частности, И.Е. Забелин в «Истории города Москвы» (1902), ссылаясь на свидетельства иностранцев: «Это был город не только деревянный, но и вполне деревенский <...>, ибо тысячи дворов на самом деле состояли из простых крестьянских изб повсюду с немощеными

⁴ См.: Михаленко Н.В. Библейские аллюзии в «усадебном тексте» Б.К. Зайцева (повесть «Аграфена» и роман «Дальний край») // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 275.

⁵ Там же. С. 279.

⁶ См.: Богданова О.А. Своеобразие «усадебного топоса» в произведениях А.Н. Толстого 1910-х гг. // Алексей Толстой: диалоги со временем. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 9–22.

⁷ См.: Там же. С. 16.

⁸ См.: Bogdanova O.A. Transformacija „vlasteoskog imanja” u ruskoj književnosti od 1910-ih do 1920-ih godina (*хорв.*) / Transformation of the “Estate Topos” in Russian Literature of the 1910s and 1920s / Трансформация «усадебного топоса» в русской литературе 1910–1920-х гг. // [sic]. Future Insights. No. 2. Year 9. 06/2019. P. 1–16.

переулками и только большие улицы назывались мостовыми, потому что покрыты были деревянными мостами из отесанных и даже неотесанных бревен <...>⁹. Неудивительно, что в описании московских улиц Толстой опирался на свои детские сельские воспоминания. «Я думаю, если бы я родился в городе, а не в деревне, — признавался он, — не знал бы с детства тысячи вещей, — эту зимнюю вьюгу в степях, в заброшенных деревнях, святки, избы, гаданья, сказки, лучины, овины, которые особым образом пахнут, я, наверное, не мог бы так описать старую Москву. Картины старой Москвы звучали во мне глубокими детскими воспоминаниями»¹⁰.

Роман «Петр Первый» начинается с описания крестьянского двора Бровкиных близ Москвы: «Санька соскочила с печи, задом ударила в забухшую дверь. За Санькой быстро слезли Яшка, Гаврилка и Артамошка: вдруг все захотели пить, — вскочили в темные сени вслед за облаком пара и дыма из прокисшей избы. Чуть голубоватый свет брезжил в окошечко сквозь снег. Студено. Обледенела кадка с водой, обледенел деревянный ковшик»¹¹. Отец семейства, Ивашка Бровкин, направляется в Москву, сопровождая ратных людей по требованию боярина Волкова; в столице его сменяет сын, Алешка, отданный боярину в вечную кабалу за недоимки. Именно он пробирается по ухабистым дорогам мимо деревянных изб, «кучи золы, падали»¹². Ревущий скот на Никитской, кабак, усадьба обедневшего дворянина Волкова и двор Меньшиковых — пространство города расширяется с каждым новым «адресом»: «Беги к Тверским воротам», к Даниле Меньшикову, — отправляет Алешку Михайла Тыртов; «у Серпуховских ворот» Алексашка видит цыган с медведями, «на Варварке» стоит кабак. Вместе с героями читатель попадает в Кремль, где разворачиваются судьбоносные для страны события. Москва в романе Толстого имеет свою судьбу, которая оказывается неразрывно связанной с судьбами героев и жизнью страны. С Петра I, писал Забелин, «начинается ее новая история»¹³. Традиционный деревенский уклад неминуемо будет разрушен петровскими нововведениями (политес, утренний кофе, непривычные наряды), показанными в начале второй книги глазами тоскующего по старине боярина Буйносова.

---

⁹ Забелин И.Е. История города Москвы. Сочинение Ивана Забелина, написанное по поручению Московской Городской Думы. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. С. 170.

¹⁰ Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М.: ГИХЛ, 1961. С. 414.

¹¹ Толстой А.Н. Петр Первый. Л.: Прибой, 1930. С. 5.

¹² Там же. С. 12.

¹³ Забелин И.Е. История города Москвы. Сочинение Ивана Забелина, написанное по поручению Московской Городской Думы. С. 167.

После публикации романа в журнале «Новый мир» (1929. №№ 7–12; 1930. №№ 1–7) Толстой, готовя его текст для первого отдельного издания (Л.: Прибой, 1930), внес, в частности, ряд изменений в описание жизни московских обитателей: «Жили по-медвежьи за крепкими воротами, за неперелазным тыном в усадьбах на Москве. В день отстаивали три службы, — *утреннюю, до еды, обедню и вечернюю*»¹⁴; в описание улицы: «По Никитской гнали **по навозной дороге** ревуший скот — на водопой на речку Неглинную. [*Навозом обозначилась дорога посреди улицы. С боков ее коровы проваливались в слабый снег по брюхо*]»¹⁵. Небольшая правка была внесена и в изображение дома и быта семейства Бровкиных в самом начале романа: «Чуть голубоватый свет брезжил в щели сквозь снег» — «щели» исправлено на «окошечко» в отдельном издании (далее: *Прибой*).

Прибывший на волковскую усадьбу Ивашка Бровкин видит богато украшенный дом с крыльцом и подклетом для хранения запасов, однако «мужики знали, — в кладовых у него одни мыши. А крыльцо — дай бог иному князю: крыльцо богатое»¹⁶. Основательность и роскошь постройки в тексте «Нового мира» передавали оценочные эпитеты в словосочетаниях: «ворота из кондового леса», «с дубовыми вереями», «крыша расписная», «глухое, без окон», отсутствующие в отдельном издании:

«Новый мир»

Ивашка и Цыган оставили коней около ворот из кондового леса с дубовыми вереями. Над воротами под двухскатной крышей — образ честного креста господня. Вровень их шел кругом усадьбы неперелазный тын <...>

Красивое крыльцо: крыша расписная — луковицей, все — резное, красное, по дереву пущены травы, птицы. <...>

Нижнее жильё избы — подклеть — глухое, без окон, из могучих бревен¹⁷.

Прибой

Ивашка и Цыган оставили коней около высоких ворот. Над ними под двухскатной крышей — образ честного креста господня. Вровень их тянулся кругом усадьбы неперелазный тын <...>

Красивое крыльцо, крыша луковицей, все — резное, красное, по дереву пущены травы <...>

Нижнее жильё избы — подклеть — из могучих бревен¹⁸.

¹⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 268 в. Л. 84. Здесь и далее подвергшийся правке текст дан в динамической транскрипции: вычеркнутый текст дан светлым курсивом и заключен в квадратные скобки; вставленный текст набран полужирным прямым шрифтом.

¹⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 268 в. Л. 32.

¹⁶ Толстой А.Н. Петр Первый. С. 8.

¹⁷ Новый мир. 1929. № 7. С. 70.

¹⁸ Толстой А.Н. Петр Первый. С. 8.

Сын московского служилого дворянина Василий Волков, хозяин усадьбы, был поверстан землей с крестьянами, поставил усадьбу и протратился, заложил половину земли в монастыре — «[м]онахи дали деньги под большой рост — двадцать копеечек с рубля. А надо было по верстке быть на государевой службе на коне добром, в панцире, с саблею, с пищалеею и вести с собой ратников, мужиков, троих на конях же, в панцырях, в саблях, в саадаках... Едва-едва на монастырские деньги поднял он такое вооружение. А жить самому? а дворню прокормить? а рост плати два раза в год?»¹⁹. Накануне позорной верстки к Василию приезжает обедневший дворянин Михайла Тыртов. В разговоре о нищете и разбоях на улицах возникает образ роскошной усадьбы «оберегателя, любовника царевны-правительницы»²⁰ Василия Голицына: «Василий Васильевич Голицын палаты воздвиг на реке Неглинной. Снаружи обиты они медными листами, а внутри — золотой кожей. Казной сундуки набиты <...>»²¹. В журнале «Новый мир» в описании были некоторые сокращенные в дальнейшем детали: «веницейские зеркала», полки с серебряной и золотой посудой: «В палатах — веницейские зеркала. От золотой, серебряной посуды полки ломаются <...>. Казной сундуки кованые набиты <...>. А вот нам с тобой, Василий, этого сроду не видать...»²².

На протяжении всего романа крестьянские усадьбы называются дворами, имения помещиков и дворян — усадьбами. Так, например, в свои усадьбы возвращаются «ополченцы-помещики» из второго Крымского похода 1689 г.: «Стрелецкие полки уже давно разместились по слободам, ополченцы-помещики вернулись в усадьбы, а по Курской, Рязанской и Смоленской дорогам все еще брели в Москву раненные, калеки и беглые»²³. Усадьбой называется владение обедневшего сына дворянского Волкова: «Василий поставил усадьбу», «на усадьбе же у Волкова», «кровлями и дымами волковской усадьбы», «вровень их тянулся кругом усадьбы неперелазный тын» и т. д. Московским усадьбам в романе противопоставлены «палаты», каменные постройки или пышные деревянные поме-

---

¹⁹ Там же. С. 6. Орфография здесь и далее воспроизведена по указанному источнику (примеч. отв. ред.).

²⁰ Там же. С. 64. Ср.: «19 октября 1683 года Голицын получил титул <...> “Царственной большой печати и государственных великих посольских дел оберегателя”» (Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 6 кн. Кн. 3. СПб.: Общественная польза, 1911. С. 979).

²¹ Толстой А.Н. Петр Первый. С. 11.

²² Новый мир. 1929. № 7. С. 73.

²³ Толстой А.Н. Петр Первый. С. 123.

щения²⁴ и двор князя Голицына, описание которых образует отдельный сюжет, связанный не только с трагической судьбой их владельца, но и с историей государства.

Наметившаяся в разговоре двух обнищавших дворян оппозиция «бедность горожан — великолепие голицынской усадьбы» развивается в следующих главах: «Вдоль Охотного ряда, завиваясь, бродили пыльные столбы. Белое солнце знойно висело над Москвой. Духота, мухи, зловоние. Из-под колес шарахались паршивые собаки, глодавшие базарные отбросы. В ленивой оборванной толпе голосили юродивые, гнусили нищие, Лазаря пели слепцы, подняв пустые глаза к невидимому граду.

Но рядом, на голицынском дворе, было чисто и чинно. Жарко блестя, от крыши до земли, медные стены дома. У входа на персидских ковриках стояли два рослые мушкетера — швейцарцы <...>. На стенах, обитых золоченой кожей, висели парсуны, или — по-новому — портреты, — князей Голицыных и в пышной венецейской раме — изображение двоеглавого орла, державшего в лапах портрет Софьи. Французские — шпалерные и итальянские — парчевые кресла, пестрые ковры, несколько стальных часов, персидское оружие, медный глобус, термометр аглицкой работы, литого серебра подсвечники и паникадила, переплеты книг, и на сводчатом потолке — расписанная золотом, серебром и лазурью небесная сфера — отражались многократно в зеркалах, в простенках и над дверями. Гость с одобрительным любопытством поглядывал на сие наполовину азиатское, наполовину европейское убранство»²⁵.

Вероятно, в описании убранства палат Толстой опирался на труд С.М. Соловьева, который приводит свидетельство принятого Голицыным де Невиля: «Описывая свой первый прием у первого министра, он говорит: “Я думал, что нахожусь при Дворе какого-нибудь итальянского государя <...>. Дом Голицына был один из великолепнейших в Европе”»²⁶. И далее Соловьев приводит подробное описание убранства голицынских палат, но уже ссылаясь на опись дома, сделанную после свержения фаворита царевны Софьи: «В палате подволока накатная, прикрыта холстами, в середине подволоки солнце с лучами вызолочено сусальным золотом; круг солнца беги небесные с зодиями и с планеты писаны живописью; от солнца на железных трех прутах паникадило белое костяное о пяти поясах, в поясе по осьми подсвечников; цена паникадилу 100 рублей.

²⁴ Подробнее о наименовании Голицынских палат см.: *Можаяев А.В.* Усадьба Василия Голицына в Охотном ряду // *Архитектурное наследство*. Вып. 63. М.; СПб.: Коло, 2015. С. 26.

²⁵ *Толстой А.Н.* Петр Первый. С. 62–63.

²⁶ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: В 6 кн. Кн. 3. С. 1050.

А по другую сторону солнца — месяц в лучах, посеребрен; круг подволоки в 20 клеймах резных позолоченных писаны пророческие и пророчиц лица. В четырех рамах резных четыре листа немецких, за лист по пяти рублей. Из портретов были у Голицына: В. К. Владимира Киевского, царей — Ивана IV, Феодора Ивановича, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Феодора, Ивана и Петра Алексеевичей; четыре персоны королевских. На стенах палаты в разных местах пять зеркал, одно в черепаховой раме <...>. Девять стульев обиты кожами золотными <sic!>; кресла с подножием, обиты бархатом. Много было часов боевых и столовых во влагалищах черепаховых, оклеенных усом китовым, кожейю красною <...>. У первого министра было много книг»²⁷. Следуя за описанием убранства Голицынских палат по описям после его свержения, приводимым Соловьевым, Толстой перенимает и трагическую тональность повествования историка. «В 1689 году в другой раз эти великолепные палаты увидели господина своего, печально возвращавшегося из неудачного похода <...>. Оберегатель находился в тяжком положении»²⁸. Построенный Голицыным на пике карьеры дворец станет свидетелем тяжелых раздумий опального князя. Жена и сын были уже в подмосковном Медведково, имении, принадлежавшем Голицыну с 1687 г. (от него сохранилась только церковь Покрова Пресвятой Богородицы; ныне — памятник федерального значения, расположенный по адресу: Москва, ул. Заповедная, 52), но «<...> Василий Васильевич медлил бегством. Дорожная карета с вечера ждала у черного крыльца, домоправитель и несколько старых слуг дремали в сенях. Василий Васильевич сидел перед свечой, сжав голову. Муха с опаленными крыльями валялась кверху лапками. Огромный дом был тих, мертв. Чуть поблескивали знаки зодиака на потолке, и греческие боги сквозь потемки глядели на князя. Живы были лишь сожаления, раздиравшие Василия Васильевича»²⁹. Нелегко дается решение покинуть Москву. Приехав в Медведково, Голицын видит испуганную челядь, дом и богатый двор. «Посмотрел на частые стекла шести окон бревенчатого дома под четырехскатной голландской крышей, с открытым крыльцом и двумя полукруглыми лестницами... Кругом широкого двора — конюшни, службы, погреба, полотняный завод, теплицы и парники, птичники, голубятни... “Завтра, — подумал, — налетят подьячие, перепишут, опечатают, разорят... Все пойдет прахом...” С важной неторопливостью Василий Васильевич вошел в дом»³⁰.

---

²⁷ Там же. С. 1050–1051.

²⁸ Там же. С. 1052.

²⁹ Толстой А.Н. Петр Первый. С. 156.

³⁰ Там же. С. 157.

Здесь он узнаёт о поражении Софьи и о приказе Петра: прибыть в Троицу.

Несмотря на тщательно выписанные интерьеры комнат московского дома и усадьбы Медведково («В столовой палате Василий Васильевич, словно с досадой, нехотя перекрестился, сел за стол против венецейского зеркала, где отражались струганные стены, в простенках — шпалерные ковры, полки с дорогой посудой...»³¹), в романе отсутствует описание внешнего облика хором князя в Охотном Ряду. В вышедшем в 1924 г. путеводителе по Москве говорилось: «Против этого двора, на другой стороне Охотнорядской площади, во дворе владения № 3, стоит привлекающий внимание своим старинным видом дом, — судя по всем данным, остатки палат любимца царевны Софьи <...>. К сожалению, не дошло до нас даже рисунков внешнего вида голицыньских хором, о котором можно только гадать, глядя на угрюмый и искалеченный переделками дом во дворе»³². Городская усадьба Василия Васильевича Голицына располагалась в Охотном Ряду, между улицами Тверской и Дмитровкой, но Голицын не строил новый каменный дворец, а перестраивал и достраивал палаты, которые унаследовал от отца, князя Василия Андреевича Голицына.

С.К. Богоявленский предполагал, что в 1684 или 1685 г. началась перестройка дома и ко времени опалы работы еще не были завершены, в частности не все палаты были покрыты кровельным железом, которое выписывали из Швеции³³, отсюда злобное замечание героя романа «Петр Первый», Василия Волкова: «Снаружи обиты они медными листами...»³⁴. После опалы в 1689 г., лишившись «богатого хозяина», как пишет Богоявленский, палаты Голицына горели четыре раза за 25 лет — в 1692, 1696, 1709 и 1713 гг.³⁵, что, разумеется, не могло не повлиять на внешний облик дома. К 1928 г. он был в значительной мере реставрирован. В 1926 г. Богоявленский прочел доклад, посвященный усадьбе Голицына в Охотном Ряду, на заседании комиссии «Старая Москва», но вскоре — в 1934 г. — здание снесли³⁶.

Свидетельства французского посланника, описание дома опального князя, приводимые Соловьевым, а возможно, и личные впечатления от

---

³¹ Там же.

³² *Никольский В.А.* Старая Москва. Историко-культурный путеводитель. Л.: Брокгауз–Ефрон, 1924. С. 125–126.

³³ Подробнее об этом см.: *Богоявленский С.К.* Научное наследие о Москве XVII века. М.: Наука, 1980. С. 230.

³⁴ *Толстой А.Н.* Петр Первый. С. 11.

³⁵ *Богоявленский С.К.* Научное наследие о Москве XVII века. С. 221–222.

³⁶ *Можжаев А.В.* Усадьба Василия Голицына в Охотном ряду. С. 19.

увиденного, в частности внешний облик отреставрированного в 1928 г. здания, были использованы Толстым не только при описании Голицынской городской усадьбы, но и для создания образа ее владельца. «Ваши персонажи, — писал Р. Роллан об умении Толстого создавать образы в окружающей их обстановке, — составляют неотъемлемую часть воздуха, земли, света, среды своего времени. Вы умеете выражать тончайшие оттенки этой среды одним взмахом кисти»³⁷. Образ московских усадеб — крестьянских дворов, городских помещичьих и парадных княжеских палат — складывается из детских впечатлений писателя, выросшего на степном хуторе в окружении деревенских домов, более поздних личных наблюдений и тщательного изучения исторических источников и позволяет воссоздать образ утраченной Москвы Петровского времени. «Как легко, густо, страшно, бегло все двинуто, — писал Н.С. Тихонову Б.Л. Пастернак о романе “Петр Первый”. — Как не перестает быть действительностью в движении, как складывается в загадки (не сюжетные, а историографические), как во всех изворотах, на всем ходу разъясняется!»³⁸

Список литературы

1. *Богданова О.А.* Своеобразие «усадебного топоса» в произведениях А.Н. Толстого 1910-х гг. // Алексей Толстой: диалоги со временем. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 9–22.
2. *Богоявленский С.К.* Научное наследие о Москве XVII века. М.: Наука, 1980. 271 с.
3. *Густова Л.И.* Трансформация образа усадьбы в русской поэзии XVIII — первой трети XIX веков: Дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2006. 160 с.
4. *Забелин И.Е.* История города Москвы. Сочинение Ивана Забелина, написанное по поручению Московской Городской Думы. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. 635 с.
5. *Михаленко Н.В.* Библейские аллюзии в «усадебном тексте» Б.К. Зайцева (повесть «Аграфена» и роман «Дальний край») // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 272–288.
6. *Можсаев А.В.* Усадьба Василия Голицына в Охотном ряду // Архитектурное наследие. Вып. 63. М.; СПб.: Коло, 2015. С. 19–33.

³⁷ Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. / Сост., подгот. текстов писем и коммент. А.М. Крюковой. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. С. 263.

³⁸ *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 8. М.: Слово, 2005. С. 376.

7. *Никольский В.А.* Старая Москва. Историко-культурный путеводитель. Л.: Брокгауз–Ефрон, 1924. 205 с.
8. *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 8. М.: Слово, 2005. 766 с.
9. Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. / Сост., подгот. текстов писем и коммент. А.М. Крюковой. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. 431 с.
10. Российский историко-бытовой словарь / Сост. Л.В. Беловинский. М.: Студия «Тритэ» Никиты Михалкова: Российский архив, 1999. 526 с.
11. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: В 6 кн. Кн. 3. СПб.: Общественная польза, 1911. 1580 с.
12. *Толстой А.Н.* Петр Первый: Роман // Новый мир. 1929. №№ 7–12. 1930. №№ 1–7.
13. *Толстой А.Н.* Петр Первый: Роман. Л.: Прибой, 1932. 387 с.
14. *Толстой А.Н.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М.: ГИХЛ, 1961. 711 с.
15. *Bogdanova O.A.* Transformacija „vlasteoskog imanja” u ruskoj književnosti od 1910-ih do 1920-ih godina (*хорв.*) / Transformation of the “Estate Topos” in Russian Literature of the 1910s and 1920s / Трансформация «усадебного топоса» в русской литературе 1910-1920-х гг. // [sic]. Future Insights. No. 2. Year 9. 06/2019. P. 1–16.